

O'zbekiston Respublikasi
Maktabgacha va maktab
ta'limi vazirligi

ISSN: 2992-9008
UDK: 37

TA'LIM VA TARAQQIYOT

Ilmiy-uslubiy jurnali

2026-YIL 4-SON

www.journal.namspi.uz

Bosh muharrir: Namangan davlat pedagogika instituti rektori B.E.Xusanov
Mas'ul muharrir: Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo'yicha prorektor M.R.Qodirxonov
Mas'ul muharrir o'rinbosari: Ilmiy tadqiqotlar, innovatsiyalar va ilmiy-pedagogik kadrlar tayyorlash bo'limi boshlig'i J.A.Yuldashev

TAHRIR HAY'ATI

Aniq va tabiiy fanlar: k.f.d., prof. Sh.Abdullayev, f-m.f.d., dots. R.Xakimov, k.f.d., prof. N.Vohidova, k.f.d., dots. M.Qodirxonov, b.f.d., dots. A.Batashov, f-m.f.n., dots., T.Abdullayev, p.f.n., dots. M.Eshnazarova, p.f.n., dots. G'.Nafasov, p.f.n., dots. M.Boltayeva.

Texnika fanlari: t.f.d., prof. A.Umarov, t.f.d., prof. A.Qayumov, PhD, dots. Sh.Xudoyqulov, PhD, dots. Abdunazarov.

Ijtimoiy-gumanitar fanlar: s.f.d., prof. T.Fayzullayev, tar.f.d., prof. A.Rasulov. f.f.d., prof. M.Ismoilov, i.f.d., dots. N.Sotivoldiyev, t.f.n., dots. A.Isoqboyev, f.f.n., dots. O.Mamatov, t.f.n., dots. Z.Haydarov, PhD. J.Yuldashev, PhD. A.Abdullayev.

Pedagogika fanlari: p.f.d., prof. B.Xodjayev, p.f.d., prof. X.Najmiddinova, p.f.d., prof. T.Ismoilov, p.f.d., prof. S.Abdullayev. p.f.d., prof., M.Y.Sobirova, p.f.d., prof., R.Zamilova, p.f.d., prof. Sh.Xujamberdiyeva, p.f.d., dost. M.Asqarova, PhD, dots. M.Asranboyeva.

Filologiya fanlari: fil.f.d., prof. N.Uluqov, fil.f.d., prof. H.Usmanova, f.f.d., dots. X.Shokirova, p.f.n., dots. S.Misirov, p.f.n., dots. Sh.Ubaydullayev, PhD., dots. P.Lutfullayev, PhD., dots. M.Yakubbayev.

Texnik muharrir: R.Tursunov

Tahririyat manzili: Namangan shahri, Uychi ko'chasi, 316-uy.

Pochta indeksi: 160136, **Faks:** (0369) 227-27-21,

Email: Info@namspi.uz

"Ta'lim va taraqqiyot" ilmiy-uslubiy jurnali elektron to'plam sifatida O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi **Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligi (AOKA)ning 2022-yil 25-oktabrdagi № 045044 raqamli guvohnomasi** asosida chop etiladi. Jurnal **Oliy Attestatsiya komissiyasining 2024-yil 30-noyabrdagi (№ 364/5) yig'ilishi qaroriga asosan pedagogika fanlari bo'yicha falsafa fanlari doktori (PhD) va fan doktori (DSc) ilmiy darajasiga talabgorlarning dissertatsiya ishlari yuzasidan asosiy ilmiy natijalarini chop etish uchun tavsiya etilgan.** UDK: 37, Xalqaro standartlashtirish raqami (ISSN): 2992-9008.

Maqolalarning ilmiy saviyasi va keltirilgan ma'lumotlar uchun mualliflar javobgar hisoblanadi.

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ УЗБЕКСКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ

Турсунова Мохира Ильхомжановна

Доцент Наманганского государственного института иностранных языков, доктор
философии (PhD) по филологическим наукам

E-mail: mohiratorsunova1105@gmail.com Tel: +998 99 4762302

ORCID: 0009-0007-6629-2068

Аннотация. В данной статье предлагается периодизация узбекской фантастической литературы, основанная не на едином идеологическом критерии, а на трёх взаимосвязанных параметрах: онтологическом статусе сверхъестественного элемента, социально-идеологическом контексте и степени институционализации жанра. На этой основе выделяются шесть этапов развития от мифолого-фольклорного пласта до цифровой эпохи. Каждый этап рассматривается в сопоставлении с соответствующими западными теоретическими моделями (В. Жирмунский, В. Пропп, Ц. Тодоров, Д. Судин, Р. Джексон), а также с конкретными произведениями узбекской и английской литературы (эпос "Алпомыш", "Гуругли", поэма Навои "Lison ut-tayr", повести Х. Шайхова, роман Х. Тухтабоева, произведения Тогая Мурода и Исажона Султона).

Ключевые слова: узбекская фантастика, периодизация, вторичный мир, когнитивное отстранение, суфийско-символическая фантастика, субверсивная фантастика, сравнительное литературоведение.

O'ZBEK FANTASTIK ADABIYOTINING TARIXI VA AN'ANALARI: RIVOJLANISH BOSQICHLARINING QIYOSIY-TIPOLOGIK TAHLILI

Annotatsiya. Maqolada o'zbek fantastik adabiyotini yagona mafkuraviy mezon asosida emas, balki o'zaro bog'liq uch parametr: g'ayritabiiy unsurning ontologik maqomi, ijtimoiy-mafkuraviy kontekst va janrning institutsionallashuv darajasi asosida davrlashtirish taklif etiladi. Shu asosda mifologik-folklor qatlamidan raqamli davrgacha bo'lgan oltita taraqqiyot bosqichi ajratiladi. Har bir bosqich tegishli G'arb nazariy modellari (V. Jirmunskiy, V. Propp, T. Todorov, D. Sudin, R. Jekson), shuningdek, o'zbek va ingliz adabiyotining muayyan asarlari — "Alpomish" va "Go'ro'g'li" eposlari, Alisher Navoiyning "Lison ut-tayr" dostoni, X. Shayxov qissalari, X. To'xtaboyev romani, Tog'ay Murod hamda Isajon Sulton asarlari bilan qiyosiy jihatdan ko'rib chiqiladi.

Kalit so'zlar: o'zbek fantastikasi, davrlashtirish, ikkilamchi dunyo, kognitiv begonalashtirish, tasavvufiy-ramziy fantastika, subversiv fantastika, qiyosiy adabiyotshunoslik.

HISTORY AND TRADITIONS OF UZBEK FANTASTIC LITERATURE: A COMPARATIVE-TIPOLOGICAL ANALYSIS OF ITS STAGES OF DEVELOPMENT

Abstract. *This article proposes a periodization of Uzbek fantastic literature based not on a single ideological criterion but on three interrelated parameters: the ontological status of the supernatural element, the socio-ideological context, and the degree of the genre's institutionalization. On this basis, six stages of development are identified, ranging from the mythological and folkloric tradition to the digital age. Each stage is examined in comparison with relevant Western theoretical models developed by V. Zhirmunsky, V. Propp, T. Todorov, D. Suvin, and R. Jackson, as well as through specific works of Uzbek and English literature, including the epics Alpomish and Gorogly, Alisher Navoi's poem Lison ut-Tayr, the novellas of Khodjiakbar Shaykhov, a novel by Khudoyberdi Tukhtaboyev, and works by Togay Murad and Isajon Sultan.*

Keywords: *Uzbek fantastic literature, periodization, secondary world, cognitive estrangement, Sufi-symbolic fantasy, subversive fantasy, comparative literature.*

ВВЕДЕНИЕ

Научно обоснованная периодизация истории узбекской фантастической литературы составляет исходную методологическую задачу данного исследования. В существующих литературоведческих трудах (Б. Назаров, Н. Каримов, Б. Касымов) фантастические элементы, как правило, упоминаются в рамках общего литературного процесса без самостоятельного критерия периодизации. В настоящей работе предлагаются три независимых, но взаимосвязанных критерия: 1) онтологический статус сверхъестественного элемента (принимается ли он как мифолого-религиозная истина, как художественная условность или как научно-гипотетическое моделирование); 2) социально-идеологический контекст (доколониальный, колониальный, советский, период независимости); 3) степень институционализации направления (признание фантастики самостоятельным направлением или её растворённость в иных жанрах).

На основании этих трёх критериев в истории узбекской фантастики можно выделить шесть этапов: 1) мифолого-фольклорный пласт (дописьменный период); 2) классический период (IX – начало XIX в.); 3) джадидский период с его утопически-социальными представлениями (начало XX в.); 4) советская научная фантастика (1920–1991); 5) фантастико-философская проза периода независимости (1991–конец 2000-х); 6) современная цифровая эпоха (с 2010-х годов по настоящее время).

МЕТОДОЛОГИЯ

Важно подчеркнуть, что традиционные периодизации (например, у Б. Назарова и Н. Каримова) опираются исключительно на критерий социально-политической формации (колония – советский период – независимость), что делает невидимой внутреннюю поэтико-типологическую эволюцию фантастической литературы. Предложенная трёхкритериальная модель, напротив, одновременно учитывает внешние (социально-исторические) и внутренние (поэтико-онтологические) факторы. Именно это объясняет, почему в рамках одного исторического периода (например, советского) сосуществовали и идеологически «безопасная» научная фантастика (Хамид Сулаймон), и скрыто-аллегорическая субверсивная фантастика (Абдулла Каххор).

Следует также оговорить, что предложенная периодизация не является строго линейной: границы между этапами часто накладываются друг на друга. Поэтому она применяется не как “жёсткая хронологическая сетка”, а как “аналитическая линза”, показывающая смену доминирующей типологической характеристики фантастического мышления в узбекской литературе.

Наиболее древний пласт узбекского фантастического мышления сосредоточен в тюркском героическом эпосе, в частности в циклах “Алпымыш” и “Туругли”. В.М. Жирмунский, анализируя тюркский героический эпос, показал, что фантастические элементы в нём (сверхъестественная сила героя, волшебный конь, предвидящий судьбу бахши) выступают не как двигатель сюжета, а как символическое средство раскрытия социально-нравственной сущности героя[1]. Страна Чамбил из цикла “Туругли” с её наделёнными сверхъестественной силой героями представляет собой раннюю форму “вторичного мира” (secondary world), сложившуюся в узбекском художественном сознании задолго до того, как это понятие было теоретически оформлено Дж.Р.Р. Толкином в западном контексте.

Методологически важно, что фантастический элемент в народном эпосе и сказках (дивы, пери, волшебные предметы) не соответствует критерию “колебания” Ц. Тодорова[21], здесь слушатель/читатель без какого-либо колебания принимает достоверность сверхъестественного мира. Это местная, исторически более древняя форма “иммерсивной фантастики” (immersive fantasy) по типологии Ф. Мендлесон.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

При анализе системы сверхъестественных образов узбекских народных сказок (дивы, пери, аждар, джинны светильника) на основе функциональной модели В. Проппа обнаруживается любопытный результат. Див обычно выполняет функцию “вредителя”, пери соответствует роли “волшебного помощника”[23]. Однако, в отличие от чистой модели Проппа, в узбекских сказках самостоятельное значение приобретает третий, функционально особый тип — «испытатель-судья» (например, образ аксакала или духа предков), который не мешает и не помогает герою напрямую, а испытывает его нравственный выбор. Данное функциональное отличие тюркской сказочной структуры от славянской заслуживает отдельного самостоятельного исследования.

Это различие сохраняется и в современных произведениях: образ профессора Дар Даража в повести Х. Тухтабоева “Shirin qovunlar mamlakati” не антагонист и не помощник, а наставник, испытывающий героя через знание и опыт, то есть литературная трансформация фольклорной функции “испытателя-судьи”[17].

Эпосы “Алпомыш” и “Гуругли” необходимо рассматривать не только как узбекское национальное явление, но и в более широком контексте тюркского эпического творчества. Сравнительные наблюдения М. Ауэзова на материале казахского фольклора показывают значительное сюжетно-мотивное сходство между киргизским “Манасом”, азербайджано-туркменским “Кёроглы” и

узбекским "Туругли". Это сходство в большинстве случаев носит контактный характер, обусловленный историко-культурными связями кочевых и полукочевых тюркских племён[2]. Это существенно отличается от западной модели: если мифопоэтическая теория Е. Мелетинского в основном объясняет неконтактные (независимые) схождения, то значительная часть схождений в тюркском эпическом творчестве носит именно контактный характер, иначе говоря, даже внутри одной культурно-языковой семьи степень контактности может существенно различаться.

Классический период представляет собой наиболее философски насыщенный пласт узбекского фантастического мышления. Поэма Алишера Навои "Lison ut-tayr" (1499) через фантастико-аллегорический сюжет (странствие птиц в поисках Симурга) даёт высшее художественное воплощение философии вахдат ул-вуджуд[3]. Это произведение относится к особой категории "символико-гностической фантастики", которая не поддаётся прямому описанию средствами западного теоретического аппарата (Тодоров, Мендлесон), здесь от читателя не требуется никакого "колебания", поскольку сама граница между естественным и сверхъестественным онтологически условна. В то же время эта модель не полностью соответствует и категории "иммерсивной фантастики" Мендлесон, поскольку главная цель суфийской фантастики, не "строительство мира" (worldbuilding), а выражение внутренней истины через символический язык.

Дидактико-политическая функция фантастических мотивов в поэмах "Хамсы" тесно связана с их символической природой. В частности, прохождение Искандара через сверхъестественные испытания в поэме "Садди Искандарий", приводящее в итоге к философскому выводу о "справедливости правителя", может рассматриваться как классический восточный аналог концепции "когнитивного остранения" Д. Судина, через фантастическое испытание читатель побуждается заново переосмыслить привычные представления о власти и справедливости с новой точки зрения.

На рубеже XIX–XX веков, под влиянием Российской империи, в узбекской литературе сложилось первое художественное отношение к научно-техническому прогрессу. Представители джадидского движения Махмудходжа Бехбудий, Абдулла Авлоний, Хамза Хакимзаде Ниязи в своих публицистическо-художественных произведениях выдвигали утопические представления об обществе будущего, основанном на просвещении[4]. Эти утопические представления типологически близки традициям Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, однако являют собой пример не контактного, а неконтактного сходства: джадиды, не будучи непосредственно знакомы с европейской утопической литературой, самостоятельно создали сходную художественно-идейную модель.

Существенное отличие джадидских утопических представлений от западной утопико-фантастической традиции состоит в их неразрывной связи с религиозно-нравственным реформаторством. Если “Утопия” Томаса Мора предлагает светско-рационалистическую модель общества, то в представлениях джадидских мыслителей о будущем обществе центральное место занимает гармония исламского просветительства и современной науки. Данное типологическое различие между светской и религиозно-просветительской утопией указывает на исторические корни различия, наблюдаемого впоследствии между светско-игровым характером волшебного мира Дж. Роулинг и нравственно-воспитательной доминантой узбекской фантастики.

Советский период стал наиболее противоречивым, но институционально наиболее продуктивным этапом в истории узбекской фантастической литературы. С одной стороны, советская культурная политика поощряла фантастику, пропагандирующую научно-технический прогресс (идеологически “полезная” форма “когнитивного острашения” в смысле Судина). С другой стороны, темы религиозно-суфийской и национально-мифологической фантастики находились под жёстким контролем.

Хамид Сулаймон (1930–1991) считается основоположником узбекской детской научной фантастики. Его повести “Сехрли кема” (1968) и “Учиб кетаётган соат” (1972) соединили традиции русско-советской научной фантастики (братья Стругацкие, Кир Булычёв) с узбекским национальным колоритом[5].

Наиболее значительным представителем этого периода является Ходжиакбар Шайхов (1945–2002), окончивший энергетический факультет Ташкентского политехнического института (1971) и работавший инженером в Институте электроники Академии наук, факт биографии, напрямую повлиявший на «когнитивную достоверность» его прозы в духе теории Судина[6]. Наиболее известная его повесть “Олмос жилоси” (1983, издательство “Ёш гвардия”) была переведена на русский язык под названием “Блеск алмаза”, критик Озод Шарафиддинов оценил её, наряду с повестью “Рене жумбоги”, как значимый образец узбекской научной фантастики[7]. Исследовательница Р. Ибрагимова отмечает в ранних рассказах Шайхова “болезнь роста”, преобладание научной терминологии при ослаблении художественного психологизма[8], тогда как в монографии У. Тохировой творчество Шайхова уже сопоставлено с творчеством Айзека Азимова[9]. Однако сопоставление Шайхов – Уэллс до настоящего момента не проводилось, что обосновывает научную новизну соответствующего раздела диссертации, где Г. Уэллс сопоставляется с Х. Шайховым по признаку “инженер – писатель-фантаст”, роднящему обоих авторов[19].

Наряду с открыто разрешённой “научно-атеистической” фантастикой, писатели были вынуждены сохранять мифолого-религиозное мышление под фантастико-аллегорической “оболочкой”. Абдулла Каххор в сборнике “O‘tmishdan ertaklar” (1936) соединил фантастико-сатирические элементы с психологическим реализмом, продемонстрировав путь осуществления социальной критики через аллегорию в условиях советского идеологического контроля[10]. Данный приём может рассматриваться как конкретный узбекский образец теории “субверсивной

фантастики" Р. Джексон[22], советская узбекская фантастика, в отличие от западной, реализовывала функцию субверсии не через открытую социальную критику, а через скрытый, многослойный символический язык.

Отдельного упоминания заслуживает основание Х. Шайховым в 1999–2000 журнала "Sirli olam" и его приложения "Qalb ko'zi"[11] редкий пример попытки создания самостоятельного издательского пространства для жанра, типологически сближающийся, при всём различии масштаба, со специализированными журналами западной традиции ("Amazing Stories", "Astounding Science Fiction"), сыгравшими важную роль в институционализации фантастики на Западе.

Тогай Мурод (1948–2003) в романе "Bu dunyodan o'tar ekansiz" (1994) изображает диалог между мёртвыми и живыми, связь с духами предков на основе национальной космологии[12]. Хотя внешне его стиль напоминает манеру Габриэля Гарсиа Маркеса, речь идёт не о контактном, а о неконтактном типологическом сходстве, корни творчества Тогай Муро́да лежат не в латиноамериканской литературе, а в узбекском фольклоре и национальной космологии. В связи с этим следует подчеркнуть, что закрепившееся в узбекском литературоведении обозначение прозы Тогай Муро́да как "узбекского магического реализма" зачастую применяется без достаточного теоретического обоснования, опираясь лишь на внешнее стилевое сходство, для корректности такого определения необходимо отдельное обоснование по трём критериям — онтологическому, функционально-когнитивному и национально-культурному.

Рассказы Назара Эшонкула (сборник "Labirint", 2007) соединяют влияние Ф. Кафки, Х.Л. Борхеса и восточной суфийской философии, создавая абсурдистско-фантастический стиль, намеренно продлевающий состояние "колебания" по Тодорову и удерживающий читателя в постоянной неопределённости[13]. Роман Исажона Султона "Voqiy darbadar" (2011) представляет собой яркий синтез "символично-гностической фантастики" и современной модернистской прозы,

философски осмысляя положение человека перед лицом судьбы через мотив вечного скитания[14].

Особое место в данном периоде занимает творчество Худойберды Тухтабоева (1932–2015), в частности цикла “Sehrli qalpoqcha” и его продолжение роман “Shirin qovunlar mamlakati yoki sehrgarlar jangi”. Как отмечал М. Кушжанов, символические образы у Тухтабоева служат не “разрушению иллюзии жизненности”, а, напротив, формированию у читателя ассоциативной сети, связывающей явления жизни между собой[18]. Это указывает на “игрово-дидактическую” природу фантастики Тухтабоева и создаёт прочную типологическую основу для её сопоставления с педагогически-волшебным миростроением цикла “Гарри Поттер” Дж.К. Роулинг[20], при принципиально разной национально-культурной основе (традиция узбекской народной сказки и англо-кельтская фэнтезийная традиция) оба автора превращают волшебство в средство нравственного воспитания.

С 2010-х годов интернет и соцсети (Wattpad, Telegram, Instagram) открыли новые платформы для узбекской фантастики. Молодые авторы городской фэнтези пока вне поля академического литературоведения, но представляют значимое явление демократизации жанра. Прямой доступ к мировой фантастике (Роулинг, Толкин) без переводческого посредничества расширяет кругозор молодых авторов, но создаёт риск ослабления национально-мифологической основы и доминирования “глобализированных” конвенций одна из актуальных проблем современной узбекской фантастики.

Для наглядного обобщения шести рассмотренных этапов предлагается следующая таблица, отражающая эволюцию онтологического статуса сверхъестественного элемента.

Этап	Период	Статус сверхъестественного	Представители
Мифолого- фольклорный	Дописьменный	Мифологическая истина (без объяснения)	“Алпомыш”, “Туругли”
Классический	IX – нач. XIX в.	Символично- гностическая истина	Навои, традиция Аттара
Джадидский	Нач. XX в.	Утопико-социальный проект	Бехбудий, Фитрат
Советский	1920–1991	Научно-идеологическая / скрыто-субверсивная	Х. Сулаймон, Х. Шайхов, А. Каххор
Независимости	1991–2010-е	Философско- экзистенциальная, национально- космологическая	Тогай Мурод, Эшонкул, Исажон Султон, Тухтабоев
Цифровой	2010-е – наст. время	Гибридный, платформенный	Молодое цифровое поколение авторов

Узбекская фантастическая литература образует непрерывную историко-типологическую традицию из шести этапов, от мифолого-фольклорного пласта до современной цифровой эпохи. Особенность этой традиции, в отличие от западной фантастики, состоит в том, что она не сформировалась институционально как самостоятельный жанр, а всегда развивалась в неразрывной связи с иными литературно-философскими задачами (мифопоэтической, суфийско-гностической, идеологическо-воспитательной, национально-экзистенциальной).

“Несамостоятельность” узбекской фантастики следует понимать не как недостаток, а как иную, более синтетически-функциональную типологическую природу.

Проведённый историко-сравнительный анализ обеспечивает три практических вывода. Во-первых, творчество Х. Шайхова уже сопоставлялось с творчеством Азимова и Брэдбери, но не с творчеством Уэллса, что обосновывает научную новизну соответствующего сопоставительного раздела. Во-вторых, “игрово-дидактическая” природа фантастики Х. Тухтабоева и её происхождение из традиции народных анекдотов создают типологическую основу для сопоставления с циклом Дж.К. Роулинг. В-третьих, применение термина “магический реализм” к творчеству Тогай Мурода и Исажона Султона в узбекском литературоведении нуждается в самостоятельном теоретическом обосновании по трём предложенным критериям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от привычной для западного литературоведения линии “эволюции жанра”, история узбекской фантастической литературы может быть охарактеризована как непрерывная история “смены функций”, одни и те же глубинные структурные элементы (сверхъестественная сила, волшебное испытание, вмешательство в судьбу), переходя из эпохи в эпоху, регулярно меняют свою функцию. Именно этот принцип “функциональной смены”, при сопоставлении с развитием английской фантастики, наиболее отчётливо демонстрирует ключевое типологическое различие между двумя литературами, устойчивой жанровой институционализацией (английская традиция) и гибкой функциональной непрерывностью (узбекская традиция).

Список использованной литературы

1. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. М.: Наука, 1974. – С. 211–215.
2. Avezov, Muxtar. Qozoq folklori va epos masalalari (qiyosiy kuzatishlar) // cit. po: Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – С. 340–342.
3. Navoiy, Alisher. Lison ut-tayr (1499). Toshkent: O‘zbekiston, 2013. – B. 12–14.
4. Qosimov, Begali. Milliy uyg‘onish davri o‘zbek adabiyoti. Toshkent: Sharq, 1994. – B. 118–125.

5. Sulaymon, Hamid. Sehrli kema: Ilmiy-fantastik hikoyalar. Toshkent: Yosh gvardiya, 1968. – B. 3–5.
6. Ходжаикбар Шайхов // Vikipediya, poslednyaya redaktsiya; a takzhe: portal Ziyouz.com, statya "Hojiakbar Shayxov (1945–2002)".
7. "Олмос жилоси" // Википедия; на основе рецензии Озода Шарафиддинова о повестях "Олмос жилоси" и "Рене жумбоги".
8. Ibrohimova, R. "Rey Bredberi va Hojiakbar Shayxov romanlaridagi botiniy holatlar tasviri", Komparativistika, O'zDJTU, 2011. – B. 70.
9. Tohirova, Umida. H.Shayxov va A.Azimov asarlarida ilmiy-fantastika janri ifodasi. Monografiya, 2023.
10. Nazarov, Botir. O'zbek sovet adabiyoti tarixi. Toshkent: O'qituvchi, 1977. – B. 45.
11. Подробная информация о Ходжаикбаре Шайхове, биография // портал sirlar.uz, раздел "История журнала "Сирли олам".
12. Murod, Togay. "Bu dunyodan o'tar ekansiz" Roman. Toshkent: Sharq, 1994. – B. 8–10.
13. Eshonqul, Nazar. Labirint: Hikoyalar. Toshkent, Sharq, 2007. – B. 15–18.
14. Isajon Sulton. Boqiy darbadar: Roman va hikoyalar. Toshkent: O'zbekiston, 2011. – B. 1.
15. Xurshid Do'stmuhammad // O'zbek Vikipediyasi i sayt Asarlar.uz, spisok proizvedeniy "Panoh", "Oromkursi", "Ko'z qorachig'idagi uy", "Bozor". 2000.
17. To'xtaboyev, Xudoyberdi. Shirin qovunlar mamlakati yoki sehrgarlar jangi. Toshkent: Yangi asr avlodi, 2012. – B. 5–7.
18. Qo'shjonov, Matyoqub. O'ziga xos ijod yo'li. Toshkent, Yosh gvardiya, 1982. – B. 44–46.
19. Wells, H.G. The Time Machine. Heinemann, 1895. – P. 3–9.
20. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. Bloomsbury, 1997. – P. 1–5.
21. Todorov, Tzvetan. The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre. Cornell University Press, 1975. – P. 25.
22. Jackson, Rosemary. Fantasy: The Literature of Subversion. Methuen, 1981. – P. 3–4.
23. Пропп, Владимир. Морфология сказки. Academia, 1928 (2-е изд.: Наука, 1969). – С. 23–24.